

Неизвестное место

Темнота.

Полная и абсолютная темнота. Ни одна унция мутного света, который, как он знал, наполнял пещерное подземное помещение, в котором он находился, не проникала в его глаза. И все же он чувствовал их. Они окружали его по кругу. Он чувствовал их страх.

Он был таким плотным и густым, он засорял атмосферу вокруг него, ужас, напряжение. Он знал, что двое дрожали, он не знал, сколько человек его окружало, но знал, что двое дрожали от ужаса перед заданием, которое их попросили выполнить, хотя ужас перед ценой отказа от призыва хозяина был гораздо, гораздо сильнее. Он мягко улыбнулся, вдыхая воздух, вдыхая вонь ужаса, окружавшую его, и не мог не облизнуть свои потрескавшиеся, сухие губы в предвкушении, не мог остановить растущую улыбку.

В любой момент. В любую секунду может поступить приказ.

Его руки слегка дрожали, когда он потянулся к клинку у бедра. Хотя он не мог его видеть, он инстинктивно знал, как найти его руками. Его мастерство владения мечом могло быть не самым лучшим - скорее всего, оно даже не было его лучшим умением; но он не мог не желать использовать его. Плавно, изящно, эффективно. Холодная сталь была для него чем-то близким, что он не мог объяснить.

Окружающие заметили его движение и приготовили свое оружие. Он знал, что у некоторых из них тоже есть мечи, хотя они никогда не сравнятся по красоте с его собственными. У некоторых были дубинки, булавы, кунаи; различные другие виды оружия и инструменты, которыми пользовались все мужчины, чтобы проливать кровь своих сородичей.

Неполноценные. Все они.

Он едва услышал слова, которых так ждал, возбуждение и адреналин захлестнули его чувства, когда окружавшие его люди бессистемно заряжали.

Он почти вздохнул. Они были дилетантами. Он надеялся на большее, надеялся, что его хозяин позволит ему встретиться с большим.

Они были уже достаточно близко, чтобы он мог их почувствовать. Двадцать один человек разного возраста. Самый младший, похоже, был примерно его возраста, а самому старшему было не больше тридцати. Он задумался, как они оказались в таком жалком месте; пешки, рабы, подчиняющиеся желаниям своего хозяина. В этом отношении он был не лучше их - раб воли человека, который привел его сюда. И все же он был намного больше.

Первые двое достигли его и напали одновременно. Он шагнул вперед в ответ, подставляя их

под удар своей техники.

И тут они исчезли. Их чакры и жизненной силы больше не было. Он знал, что ни один человек в комнате не видел, как он обнажил меч, кроме своего хозяина. Остальные девятнадцать человек в зале просто видели, как он двинулся между двумя мужчинами, а затем, они увидели, как те упали, безжизненные, их кровь уже скопилась на каменном полу арены, на которой они стояли.

Он продвигался вперед, но никогда не атаковал первым; он всегда шел вперед, но всегда позволял противнику показать свою руку. Атака спереди, человек с булавой. Он уклонился в сторону и, как вспышка, нанес вертикальный удар, рассекая от пупка до горла. Ему не нужно было слышать рвотный позыв другого, чтобы понять, что человек был изъеден его клинком.

Он чувствовал взгляд своего хозяина на спине, продолжая рассекать мужчин, один за другим падали, и постепенно удовольствие его хозяина становилось все более ощутимым. Необыкновенная чакра, которую он мог пустить в ход, сосредоточилась на нем, и он наслаждался этим. Набрал скорость, он впервые нанес первый удар, ворвавшись в чужую защиту. Это был шиноби, женщина, хотя, скорее всего, генин. И он нанес горизонтальный удар, обезглавив ее одним чистым движением. Чакра его хозяина зашипела от удовольствия.

Последний стоящий человек. Страх скатился с него, хотя дрожь выдавала его. Бросив оружие, трус решил спрятаться за одним из каменных столбов арены. Неприемлемо. Он остановился перед колонной, впервые за все время боя направил чакру через свое оружие и нанес горизонтальный удар, пробив твердый камень, словно это была не более чем бумага.

Он нахмурился. Мужчина закричал в агонии и попятился вперед, сквозь рваные лохмотья на его спине виднелась страшная зияющая рана. Он все еще был жив, а это означало, что он не был достаточно хорош, недостаточно эффективен. Он подавил раздражение, когда чакра его хозяина снова вспыхнула; вероятной причиной этого был лепет мужчины, просившего избавить его от смерти, его голос был резким и хриплым, поскольку он боролся за сохранение сознания после такой ужасной травмы.

- Твоя боль... Вы сами вызвали ее. Я стараюсь быть милосердным, даже добрым, позволяя тебе быструю смерть, от которой отказался бы мой хозяин. Но ты...

Он вонзил свой меч в голень лежащего на земле человека, вызвав еще один гортанный крик агонии, после чего тот потерял сознание от шока - его собственное тело спасло его от мучительной боли, охватившей его.

-...Ты отказываешься. Но это нормально. За это я вознагражу тебя лучшим способом, который знаю.

Его глаза слегка расширились, бетонно-серые зрачки на черном фоне, глаза, которые казались такими же мертвыми, как и множество трупов, которые он оставил позади, когда он почувствовал, что его хозяин приближается к нему сзади. Он пересек арену, не заметив никакого движения, пока не оказался прямо у него за спиной. Суровое напоминание о том, что

хотя его положение было привилегированным, оно было не менее шатким, чем положение тех, кого он только что убил.

- Могу я взять его? Пожалуйста? Я знаю, ты приказал, чтобы они все умерли, но этот, я хочу его...

На его плечо легла рука, которой почему-то не хватило уверенности, которую обычно дает такой жест. Он услышал, как мужчина усмехнулся, ледяной звук, который мог бы послать ужас по позвоночнику любому, кто не был его союзником.

- Конечно, конечно. В обмен на столь... великолепную демонстрацию, я позволю вам оставить его у себя. Но прежде чем вы заберете его, я должен сообщить вам о вашем первом задании.

Он повернулся лицом к человеку, которого называл своим хозяином, и впервые за этот день его тусклые серые черты окрасились настоящим волнением.

- У тебя есть для меня задание? Я сделаю все!

Мужчина злобно усмехнулся на проявление энтузиазма со стороны того, кто обычно был настолько лишен эмоций.

- Я знаю, что ты сделаешь, мой ученик. Скажи мне, знаешь ли ты, что в этом году в моей старой доброй деревне, Конохе, проходят экзамены на чунина? Как ты смотришь на то, чтобы принять участие?

- Будет ли проливаться кровь? - Мужчина кивнул, улыбка на его лице превратилась в ужасающе жестокою ухмылку. - Те, кого я убью... Могу ли я оставить их себе?

- Конечно! Каким бы я был мастером, если бы послал своего драгоценного ученика убивать, не обеспечив ему... вознаграждение.

<http://tl.rulate.ru/book/40002/1605356>